

Я ЛИШЬ ЧАСТЬ PANERAI АНДЖЕЛО БОНАТТИ, OFFICINE PANERAI

— Бермудский кетч «Эйлин», построенный в 1936 году, — часть мифа Panerai

— Panerai
Lo Scenziato —
Luminor 1950
Tourbillon GMT

мы развивали не форму корпуса, а техническую начинку — в наших мануфактурных калибрах мы не стеснялись в средствах выражения

Славой Panerai мы во многом обязаны Анджело Бонатти. Специалист в часовом и ювелирном деле, работавший в итальянском филиале Cartier, он вместе с Франко Колоньи был выбран главой Richemont Йоханом Рупертом для создания нового бренда на базе флорентийской часовой марки Officine Panerai. Миланец Бонатти смог сделать невозможное. Он создал одну из самых узнаваемых и желанных часовых марок, соединяющих итальянский дизайн и швейцарское качество. Последним из старой гвардии Richemont он покидает в этом году пост, чтобы передать его Жан-Марку Понтруэ. Анджело Бонатти решил попрощаться с читателями «Стиль. Часы».

— Как представить себе Panerai без вас? Как будет теперь выглядеть бренд? Вы знаете?

— Нет, честно, я не знаю. Я никогда не отделял себя от бренда и никогда не старался выделиться за его счет. Я лишь часть Panerai. Мы говорим в Италии: «Незаменимых нет». В Panerai есть мой характер, мои черты, моя голова, мое сердце. Но я не верю, что без меня все остановится. Все будет продолжаться. Может быть, не точно так, как было при мне, а по-другому, но продолжаться. Я верю, что все мои сотрудники, а каждый из них на вес золота, продолжат свою работу. И прекрасные часы по-прежнему будут выпускаться.

— Жан-Марк Понтруэ — опытный часовый менеджер, прошедший и Montblanc, и Roger Dubuis, но все-таки не могу вас не спросить: как это случилось, что самая итальянская часовая марка французам отдала?

— Об этом надо спрашивать не меня, а владельца Richemont, господина Руперта. Буду с вами честен, я просил итальянца! Сейчас не так-то легко найти итальянца в часовом деле, но можно было поискать! Я всегда настаивал на том, что мы — итальянская марка. За нами море, итальянский дизайн, Флоренция, dolce vita. Но группа выбрала мне в преемники Жан-Марка. Как говорил Гарибальди: «Obbedisco!» Слушаю и повинуюсь.

— По сути, при вас Panerai имели только два, максимум три — если считать Mare Nostrum — типа корпуса. И при этой скромности форм часы марки встали в ряд самых известных и любимых в мире.

— Разве вы не знаете, что ограничения всегда стимулируют творчество? Мы развивали не форму корпуса, а техническую начинку — у нас несколько десятков мануфактурных калибров, в которых мы не стеснялись в средствах выражения. Вместо того чтобы плодить новые линии, мы совершенствовались в рамках наших основных корпусов Radiomir и Luminor, улучшая механизмы, пробуя новые материалы: композиты, керамику, бронзу.

— То есть пока другие изобретают невероятные корпуса, вы работаете в строгих правилах итальянского дизайна XX века?

— Это магия марки. В этом ее сила, ее итальянский вкус. Недаром нас любят дизайнеры и художники по всему миру.

— А вам какой тип корпуса ближе?

— Пожалуй, Luminor. С него мы начали, когда еще не было ни мануфактуры, ни бутиков, ни сотен служащих по всему миру. Только рабочий стол, лампа и Luminor Marina на столе. Это была икона, и для меня она ею и остается. Это то, что добавили новые Panerai к историческому имиджу Radiomir. Не зря сейчас, когда мы решили разработать более «костюмные» Due, мы обратились именно к нашему знаменитому корпусу Luminor.

— В линии Due вышли, возможно, самые маленькие Panerai — в корпусе 38 мм. Это шаг к тому, чтобы делать женские часы?

— Panerai при мне оставался мужским брендом. Что, кстати, часто привлекает к нам клиентов, которые с удовольствием надевают крупные мужские часы на тонкие изящные руки. Но посмотрим, что будет дальше.

— Вы приняли «морскую» марку и поддерживали ее репутацию, в том числе и с помощью яхтенных гонок. Вы приобрели для Panerai собственный корабль, бермудский кетч «Эйлин», построенный в 1936 году. Что будет с ним?

— Красавец «Эйлин»... Жан-Марк Понтруэ не так любит паруса, как я, не знаю, что он будет делать с кораблем. Для меня это часть имиджа Panerai, это особенный корабль, наш символ, который имел для нас большую ценность.

— У Panerai есть еще один секрет. Сейчас все марки бросились в сети, инстаграммы, телеграммы и фейсбуки. Ваша марка не гонялась за сетями, но у вас давно существует профессиональное сетевое сообщество, «панеристи». Как вы этого добились? Как вы работали с ними?

— В это авторитетное сообщество я никогда не входил. Для меня «панеристи» как комната, в которой заседает комитет единомышленников. Я туда не хотел. Там есть те, кто будет меня обижать. Я не хочу этого слышать. А есть те, кто будет меня хвалить. Мне это слушать вредно. Лучше оставаться снаружи.

— Вы даже не отправляете в эту воображаемую комнату своих сотрудников?

— Они туда ходят. Но мне не говорят.

— В последние годы вы вставляете в ваши корпуса самые сложные механизмы. Репетиры, календари, турбийоны. Не разорвут ли они однажды классический корпус Panerai, чтобы получить в итоге нечто новое?

— Я думал об этом. У нас хорошие просторные корпуса. Они рассчитаны на давление моря. Давление мысли они точно выдержат.

Беседовал Алексей Тарханов